

Яковлев Максим Владимирович

кандидат политических наук,
докторант кафедры философии политики и права
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

**ДОКТРИНЫ
«НАПРАВЛЯЕМОЙ ДЕМОКРАТИИ»
В ОТЕЧЕСТВЕННОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
НАЧАЛА XXI В.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ ПОДХОДОВ**

Аннотация:

Статья посвящена анализу трех концепций демократии, созданных в современной России: «управляемой», «суверенной» и «зрительской». Сделан вывод о том, что эти доктрины не являются обоснованием и способом установления реального правления большинства с учетом российских условий, а представляют собой стратегии поддержания действующих политических режимов в рамках формальной демократической системы.

Ключевые слова:

демократия, демократизация, доктрина демократии, «зрительская демократия», «направляемая демократия», политический режим, Россия, страны СНГ, «суверенная демократия», «управляемая демократия».

Yakovlev Maxim Vladimirovich

PhD in Political Science,
Doctoral student, Philosophy of Politics
and Law Department,
Lomonosov Moscow State University

**DOCTRINES OF
“GUIDED DEMOCRACY”
IN THE DOMESTIC POLITICAL
DISCOURSE OF THE EARLY
XXI CENTURY: COMPARATIVE
ANALYSIS OF APPROACHES**

Summary:

The article analyses the three concepts of democracy created in the modern Russia: guided, sovereign and spectator. It is concluded that these doctrines are not the way to establish and justify the actual rule of majority based on Russian conditions, but they are strategies to maintain the existing political regimes in the framework of the formal democratic system.

Keywords:

democracy, democratization, democratic doctrine, spectator democracy, guided democracy, political regime, Russia, CIS countries, managed democracy, sovereign democracy.

Вопрос о форме демократии (народовластия), наиболее соответствующей истории, культуре, ценностям и политической практике конкретного сообщества, стал, видимо, одним из ключевых в дискуссии о перспективах социально-политического развития. Так, в России формулируются специальные теоретические модели народовластия, в которых их создатели пытаются обосновать право на особый подход и учесть историческую и культурную специфику своих стран. Одними из самых заметных стали проекты «управляемой», «суверенной», «зрительской» демократий, объединяемых в класс доктрин «направляемой демократии».

«Направляемая демократия» в наиболее полной мере впервые была осуществлена в Индонезии в период нахождения у власти Сукарно (1957–1965 гг.). В России обсуждение особенностей модели демократии, совместимой с национальными особенностями, вышло на новый уровень в начале 2000 г. с приходом к власти В.В. Путина. В послании Федеральному собранию президент обозначил контуры концепции, названной позднее «управляемой демократией». Анализ документа позволяет выделить ее следующие ключевые характеристики: сильная государственная власть, формальное разделение властей, концентрация власти в исполнительных государственных органах, персонификация государственной политической власти в лице президента, попечительство президента как выразителя общественных интересов. Задачи осуществления модели, как следует из президентского послания (согласно заданным приоритетам): достижение национального единства, понимаемого как единодушие, возрастание уровня общественного благосостояния, соблюдение прав человека, развитие партийной системы, расширение свобод для СМИ [1, с. 42, 52, 57].

Тот, кто знаком с демократической теорией, сразу заметит, что ни первая, ни вторая задачи не могут быть решены при помощи демократии. Дело в том, что национальное единство является одним из важнейших условий для создания эффективной демократии. Кроме того, она не призвана и не способна разрешить экономические проблемы, она лишь обеспечивает условия для реализации гражданских и политических свобод, прав, инициатив (в том числе экономических).

В целом модель «управляемой демократии» можно определить как демократическую систему, в которой процедуры реализации народовластия корректируются правящим политическим

классом во главе с лидером на основании (единоличного) толкования им демократических принципов. Однако именно ставка на попечительское государственное управление, осуществляемое фактически единолично президентом, претендующим на исключительное знание о том, как реализовать общее благо, стала самым слабым звеном данной концепции и привела к неудаче ее воплощения на практике (как модели демократии, а не ее имитации).

Начиная с 2005 г. наблюдаются новые попытки российского правящего класса сформулировать концепции демократии с учетом национальной специфики. Так, В.В. Путин заявил: «Россия... сама будет решать, каким образом – с учетом своей исторической, геополитической и иной специфики – можно обеспечить реализацию принципов свободы и демократии» [2, с. 281]. Главным идеологом особой демократической модели России стал В.Ю. Сурков, чьи взгляды до недавнего времени определяли внутреннюю политику. Именно он обосновывал модель «суверенной демократии», название которой восходит к высказываниям Р. Проди и Д. Чейни.

Анализ выступлений В.Ю. Суркова, президента России и его сторонников позволяет выделить ключевые особенности модели «суверенной демократии»: политическая самостоятельность при принятии решений внутри государства, независимость политической системы от внешних акторов, централизация государственной власти, ее персонификация, идеологизация политической жизни [3, с. 58]. Очевидно, что в самом названии «суверенная демократия» просматривается избыточность: любая демократия суверенна по определению, ведь народ принимает решения как единственный источник власти (поэтому не бывает «несуверенной» демократии).

В целом данную концепцию можно оценивать в нескольких аспектах. Во-первых, как идеологический маневр – попытку сгладить порожденные авторитарными тенденциями противоречия: пренебрежение демократическими декларациями удобно объяснить национальными особенностями и враждебностью внешней среды. Кроме того, так возможно легитимизировать применение силы в политике суверена. Во-вторых, очевидно, создатели концепта «суверенной демократии» не совсем понимали теорию демократии, механизм которой направлен не на суверенизацию (по крайней мере, это не его главная цель), а на обеспечение политического участия граждан. В-третьих, факт формирования этой модели продемонстрировал, что действующая власть всерьез обеспокоена проблемой демократии в России (либо тем, как ее установить или не допустить). Дискуссия о «суверенной демократии» мобилизовала общественность, стала поводом для исследования существующих моделей народовластия, сподвигла граждан к политической дискуссии. Последний аспект очень важен.

В 2008 г. свой вклад в демократическую теорию решили внести сотрудники Института общественного проектирования, которые предложили модель «зрительской демократии», где само народовластие отодвигается на второй план. Базой и обоснованием для нее служит идея о том, что во всем мире «демократия становится "зрительской", аудиторной. Роль массмедиа становится преобладающей, политик – медийной фигурой, ... а гражданин и избиратель – аудиторией, у которой надо заслужить рейтинг... "Правление" народа сменяется "правлением для народа" – и при этом в формах, все более далеких от контроля, осуществляемого выборным процессом» [4].

По мнению создателей данной концепции, «демократизация политической системы России в ближайшее время не может стать приоритетом. Приоритет сейчас в эффективности управления» [5]. Таким образом, модель «зрительской демократии» обладает следующими основными особенностями: персонифицированность государственной власти; управление демократическим развитием со стороны правящего класса; формальное разделение властей с доминированием исполнительных органов во главе с лидером, прямо выражающим волю народа; СМИ как инструмент государственной пропаганды и агитации; наличие многочисленных общественных организаций – посредников между демосом и правительством, которые артикулируют интересы общественности.

Представляется, что при трактовке «зрительской» модели авторы не совсем верно интерпретировали данные, касающиеся современной политической ситуации в развитых демократических странах, на чью практику они ссылаются. Дело в том, что они рассуждают в парадигме «конкурентной элитистской» модели демократии, базовые аспекты которой были заложены еще М. Вебером и Й. Шумпетером. По сути российские исследователи ее и обосновывают, только под собственным названием. Однако с тех пор многое изменилось. Например, в западных странах на смену привычным формам массового политического участия (под эгидой крупных партий) приходят новые формы: бойкот, подписание петиций, пикет, демонстрация, требующие участия все большего числа граждан.

В сущности модель «зрительской демократии», как и две, охарактеризованные ранее, стала лишь защитой действующего политического режима. Она вряд ли может претендовать на самостоятельную подлинно демократическую модель, обусловленную историей и культурой России.

Итак, в рамках более общей концепции «направляемой демократии» рассмотрены три модели демократии, созданные в современной России: «управляемая», «суверенная» и «зрительская». Несмотря на некоторые различия, они имеют общую основу: акцент на сильном президентском правлении, приоритет экономического развития над правами и свободами граждан, управляемое политическое участие демоса; собственно демократические принципы и механизмы их осуществления либо подробно не описаны, либо отодвинуты на второй план. Исходя из этого, можно сделать вывод, что данные теоретические конструкты представляют собой скорее не модели подлинной демократии, а стратегии поддержания действующих политических режимов за фасадом демократической риторики.

Ссылки:

1. Путин В.В. Избранные речи и выступления. М., 2008. 480 с.
2. Там же. С. 281.
3. Pro суверенную демократию / сост. Л.В. Поляков. М., 2007. 632 с.
4. Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 – начале 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inop.ru/page642/club/page483/> (дата обращения: 20.07.2016).
5. Там же.

References:

Polyakov, LV (comp.) 2007, *Pro sovereign democracy*, Moscow, p. 632, (in Russian).
Putin, VV 2008, *Selected speeches and presentations*, Moscow, p. 480, (in Russian).